

своим каждый художник, как из древних, так и нашего времени. Ибо никогда природа изображаемого не была обнаружена более точно и правдиво, чем в его произведениях...

Существовал ли когда-либо художник, который не обнаружил бы в своих произведениях собственной природы? Я не стану ссылаться на древнюю историю и удовольствуюсь примерами из нашего времени. Кому не известно, что многие художники добрались непристойной живописью похвал и восхищения черни, создавая и выставляя для обозрения нечестивые, мерзкие и порочные картины; однако никто не сочтет целомудренными тех, чей ум и пальцы создают подобные вещи. Мы видели также много тщательно, до мелочей сделанных и достаточно хорошо раскрашенных картин, в которых, хотя художник и выказал известный талант и умение, тем не менее недостает искусства. Вот именно здесь мы должны, по справедливости, восхищаться Альбрехтом, как усердным стражем благочестия и целомудрия и как художником, который знал свои силы и проявлял их в величии своих картин, ибо никто не может оставить без внимания ни одно, даже самое малое из его произведений; и вы не найдете в них ни одной непродуманно или неправильно нарисованной линии, ни одной лишней точки.

Что могу я сказать о твердости и точности его руки? Вы могли бы поклясться, что линейка, угольник и циркуль применялись для проведения тех линий, которые он в действительности рисовал кистью или часто карандашом или пером без всяких вспомогательных средств, к великому удивлению присутствующих. Что мне сказать об этой слаженности его руки и мысли, которая часто позволяла ему мгновенно набрасывать на бумаге карандашом или пером фигуры и всякого рода вещи или придавать им такое выражение, что казалось, они готовы заговорить. Я предвижу, что мне не поверит никто из читателей, если я расскажу, что иногда он рисовал отдельно не только различные части всей сцены, но и различные тела, которые, будучи соединены вместе, совпадали так точно, что ничто не могло подойти лучше. Поистине, несравненный ум художника, наделенного знанием истины и пониманием гармонии частей, водил и направлял его руку и позволял ему доверять себе, отказываясь от всякой иной помощи. Равным образом, когда он держал кисть, уверенность его была такова, что он рисовал на холсте или дереве все до мельчайших подробностей без предварительного наброска так, что, не давая ни малейшего повода к порицанию, он всегда удостоивался наивысших похвал. И это вызывало величайшее удивление самых выдающихся художников, которым из собственного опыта была известна трудность подобных вещей.

Не могу умолчать здесь о том, что произошло между ним и Джованни Беллини. Последний пользовался большой славой как в Венеции, так и во всей Италии. Когда Альбрехт прибыл туда, он легко сблизился с ним, и, как обычно бывает, они стали показывать друг другу образцы своего искусства. В то время, как Альбрехт от всей души восхищался и превозносил работы Беллини, Беллини также великодушно хвалил различные черты искусства Альбрехта и особенно – тонкость и деликатность, с какою он писал волосы. Случилось, что они беседовали между собою об искусстве, и когда их беседа закончилась, Беллини сказал: «Не окажешь ли ты, любезный Альбрехт, небольшую услугу своему другу?» «Охотно, – отвечал Альбрехт, – если то, о чем ты просишь, в моих силах». Тогда Беллини сказал: «Я хотел бы, чтобы ты подарил мне одну из тех кистей, которыми ты пишешь волосы». Тогда Альбрехт, нимало не мешкая, протянул ему разные кисти, подобные тем, какие употреблял и Беллини, и предложил ему выбрать ту, что ему больше нравится, или если угодно, взять все. Но Беллини, думая, что его хотят ввести в заблуждение, сказал: «Нет, я имею в виду не эти, но те, которыми ты обычно одним мазком пишешь много волос; они должны быть доеольно широкими и более редкими, чем другие, ведь иначе немислимо сохранить, особенно на большом протяжении и в поворотах, такую равномерность промежутков». «Я не пользуюсь никакими, кроме этих, – сказал Альбрехт, – и чтобы убедиться в этом, ты можешь наблюдать за мною». Затем, схватив одну из этих самых кистей, он нарисовал в самом строгом порядке и хорошей манере длинные волнистые волосы, какие обычно носят женщины. Беллини следил за ним изумленный и впоследствии признавался многим, что не поверил бы никому на свете, кто рассказал бы ему об этом, если бы он не видел этого своими глазами.

Подобную дань воздал ему с несомненной искренностью и Андреа Мантенья,⁶⁴¹ прославившийся в Мантуе тем, что он подчинил живопись известной строгости правил; и он заслужил эту славу прежде всего тем, что он разыскивал рассеянные повсюду поломанные статуи и предлагал

⁶⁴¹ *Андреа Мантенья* (1431–1506) – известный итальянский живописец и гравер, работавший в Падуе и Мантуе. Дюрер в юности увлекся работами Мантеньи и еще до первого путешествия в Италию копировал его гравюры.